

Сев прямо, женщина тотчас же спросила Юн Ци:

— Ты заполучил ту вещь?

Сердце Юн Ци неожиданно сжалось.

— Заполучил? Или нет? — снова спросила наложница Ли.

Юн Ци крепко сомкнул уста, задрожал, но так и не вымолвил ни слова. Письмо лежало у него за пазухой, однако он не знал, отдать его или же не стоит.

С одной стороны был он, отравленный любовным напитком, однако всё равно беспокоящийся за Юн Шаня.

А с другой — матушка, заключённая в Холодный дворец, искавшая спасения и к тому же способная нанести ответный удар и навредить Юн Шаню.

— Юн Ци, ответь. — Наложница Ли подняла тонкую руку, которая была настолько худой, что можно было увидеть сустав, и тихо положила на плечо сына. Заметив, что Юн Ци продолжает хранить молчание, женщина вздохнула: — Ну и ладно, я на самом деле... даже не допускала мысли, что у тебя получится и ты принесёшь письмо своей матери. Я не виню тебя.

— Матушка! — У Юн Ци сердце разбилось, словно по нему стукнули молотком. Вдруг подняв голову, юноша полными слёз глазами посмотрел на наложницу Ли: — Матушка сказала, что эта вещь нужна для того, чтобы запугать наложницу Шу, чтобы та не осмелилась к нам жестоко относиться, это правда?

— Разумеется, это правда.

— Тогда... Если даже это письмо я передам матушке, матушка ни в коем случае не станет вредить Юн Шаню, правда?

Тёмные глаза наложницы Ли в один миг просветлели:

— Юн Ци, ты заполучил его?

— Сначала матушка ответит мне: верно ли, что эта вещь необходима, чтобы воздействовать на наложницу Шу, и всё? Не причините ли Вы вред нынешнему наследнику престола?

— Разумеется, — наложница Ли стала недовольной. — Юн Ци, ты даже матушке своей не веришь?

Хоть женщина была больна, однако по-прежнему в некогда любимой наложнице императора сохранялось благородство. Глядя сверху вниз на коленопреклонённого у её кровати Юн Ци, в ней чувствовались некая суровость и не тронутое величие.

— Ваш сын... — Юн Ци замолчал, свесил голову и поменялся в лице, обнажая всю бурю чувств, что сейчас таились в душе, и тихо проговорил: — На самом деле... на самом деле в этом дворце слишком страшно, так почему же всей семье нельзя... нельзя жить вместе под одной крышей?

Услышав слова сына, наложница Ли несколько расстроилась. Однако она как-никак долгое время прожила в жестоком императорском дворце и, мгновенно взяв себя в руки, равнодушно произнесла:

— Дитя, что за глупости ты говоришь? Кому ты являешься одной семьёй? — Ласковый тон стал тише, и женщина со вздохом сказала: — Юн Ци, мы с тобой и есть настоящая семья. Дитя, в конце концов, не забывай об этом. Поднебесная огромна, а в матушкиных глазах есть только ты.

— Однако Юн Шань, он...

— Юн Шань является сыном наложницы Шу! — решительно проговорила женщина. — Ты считаешь, что он любит тебя и в будущем сможет защитить от всяких тревог? Ох, он сейчас является наследником престола, а в будущем станет императором. А любовь императора когда-нибудь изменится. В самом начале твой отец-император во мне души не чаял, так почему же сейчас он так жестоко бросил меня?

Нынешнего Юн Ци нельзя было сравнивать с прошлым.

Юноша, услышав, как мать порочит Юн Шаня, в душе разразился гневом и неожиданно помимо своей воли сказал:

— Юн Шань, он... он другой!

Впервые её сын посмел так говорить, чем изумил наложницу Ли, и та смерила Юн Ци взглядом.

Спустя долгое время женщина всё же медленно проговорила:

— Увы, ты ещё ребёнок и действительно заставляешь матушку тревожиться. Хорошо, допустим, он отличается от императора, но в итоге когда-нибудь ты тоже не избежишь жестокого удара.

— Как такое случится?

— Как такое случится? — переспросила наложница Ли. — Юн Шань вступит на престол, а наложница Шу станет матерью императора. Если Юн Шань будет расположен к тебе всем сердцем и умом, разве наложница Шу не станет считать тебя соринкой в глазу? Пока она не уничтожит тебя, она не сможет успокоиться. А теперь скажи, Юн Ци, ты заполучил письмо Гун Ухуэя?

Юноша, немного помедлив, наконец-то слегка кивнул.

Женщина оживилась, получив эту хорошую новость:

— Скорее дай его матушке.

Юн Ци вынул из-за пазухи запечатанное, немного измятое, но крайне важное письмо.

Наложница Ли спешно хотела схватить его, но сердце Юн Ци задрожало, а рука, в которой было письмо, сжалась, и юноша отдернул её.

— Почему? — спросила женщина. — Ты всё ещё сомневаешься во мне?

Юн Ци неспешно покачал головой.

Настроение в болезни было странным и унылым, цвет лица менялся с красного на бледный, всё больше обнажая некую удивительную нежность и выдающуюся изящность.

Крепко сминая в руках письмо, юноша опустил голову и пристально смотрел на него.

Медленно на лице появлялась шелковинка решительности. Юноша поднял голову, посмотрел на наложницу Ли и сквозь стиснутые зубы процедил:

— Матушка, Ваш непочтительный сын, я... я Вам не верю!

Непредвиденные события резко возникли на пути, заставив наложницу Ли сначала испугаться, а потом задрожать от гнева. Даже её пальцы, что указывали на Юн Ци, дрожали.

— Ты... ты что говоришь?

— В том году Вы, матушка, приложили руку к краже свидетельства о рождении [1] принцев, после чего Юн Шань сразу попал во Дворец Наказаний, а его кормилица умерла под жестокими пытками. Если бы отец-император не провёл тщательного расследования, боюсь, тогда Юн Шаню... Во всяком случае, я не могу... я не могу помочь Вам навредить Юн Шаню.

— Как ты смеешь! Юн Ци, ты совсем утратил рассудок? — внезапно прорычала наложница Ли.

Находившаяся снаружи Цин И, услышав гнев госпожи, спешно вошла в комнату и стала уговаривать её:

— Госпожа, не злитесь, Его Высочество слишком юн, он нечаянно это сказал. — Служанка гладила женщину по спине, растирая её.

Но наложница Ли оттолкнула Цин И и с холодной усмешкой произнесла:

— Где он слишком юн? Погляди, он выглядит достаточно взрослым, да и крылья у него уже окрепли. Я сейчас до того впала в уныние, что совершенно запустила себя, и даже не обращаю внимания на то, что говорю. Юн Ци, ты и Юн Шань завели любовные отношения и не более. Кто бы мог подумать, что таким образом сын императора оседлает дракона [2]? Кого я родила, даже не знаю. Кувыркался со своим младшим братом, даже не обращая никакого внимания на смерть родной матушки. Хорошо! Хорошо! Живи своей собственной жизнью. Хотелось бы, чтобы он всю жизнь был предан тебе всем сердцем и умом, защищал твоё благополучие и уберёг от беды. И тогда, если мне суждено будет умереть в этом месте, то я смогу закрыть глаза. — Договорив, женщина упала на кровать и разразилась горькими слезами.

Юн Ци почувствовал, как его сердце и лёгкие будто разорвало на части. Юноша, стоя на коленях, даже не мог выпрямиться.

При мысли, что Юн Шань поил его лекарством, сердце превращалось в пепел, однако Юн Ци не понимал, почему сейчас, всё ещё не щадя жизни, защищает его и, кроме того, заставляет родную мать гневаться.

Спустя длительное время юноша нашёл в себе силы и печально проговорил:

— Мы вовсе не вступали в любовные отношения, Юн Шань, он... он на самом деле предан мне... не всем сердцем и душой. Однако я... — юноша закусил нижнюю губу, — однако я не позволю навредить ему.

Юн Ци сильно ослаб, что, казалось, ему трудно было пошевелиться. Он несколько раз прикладывал усилия, но у него не получалось подняться. Лишь безжалостно ущипнув себя за бедро, Юн Ци в итоге нашёл в себе немного сил и, опираясь на кровать, поднялся с колен.

Нетвёрдой походкой юноша дошёл до разожжённой печи, что стояла в стороне, и вытянул дрожащую руку, держа письмо над огнём.

Наложница Ли сначала заливалась слезами, но, увидев, что её сын неожиданно поднялся с места и направился к горячей печи, вздрогнула. Женщина боялась, что слишком сильно отругала его, и несколько забеспокоилась. Однако увидев, что Юн Ци всего лишь сжигает

письмо, она немного успокоилась.

Оказавшись над пламенем, письмо загорелось и через мгновение превратилось в пепел. Языки пламени поднялись выше по бумаге и достигли руки Юн Ци, в которой было письмо. Однако юноша будто не видел этого. Лишь подержав за край бумаги, до которого огонь ещё не добрался, он разжал пальцы, бросив письмо в горящее пламя печи.

Одно мгновение — и письмо сгорело без следа, но юноша, словно этого и не заметив, всё ещё держал руку над огнём.

— Ваше Высочество! — Цин И подошла к Юн Ци и отвела его на пару шагов от печки. Со слезами на глазах служанка произнесла: — Что случилось с Вашим Высочеством? В болезни разум госпожи помутился, и она сказала всего пару слов, ну пусть даже если она по ошибке и побранила Вас, не нужно было так поступать.

Наложница Ли сильно перепугалась и нерешительно посмотрела на своего единственного сына, затем, вымученно улыбаясь, проговорила:

— Юн Ци, матушка заточена здесь, и ей сложно было избежать отчаяния, поэтому она сгоряча сказала все те слова. Будь послушным ребёнком, подойди, не нужно больше показывать свою силу.

Цин И подумала взять Юн Ци и подвести к наложнице Ли, однако сам юноша, дрожа, покачал головой.

— Матушка, письмо я уже сжёг. Если Юн Шань и наложница Шу узнают, что оно пропало, то скорее всего догадаются, что это я его взял. — Хоть Юн Ци смотрел на наложницу Ли, однако его взгляд был отрешённым, а сам юноша шёпотом проговорил: — Тогда посчитают, что оно попало в Ваши руки. В этом мире лишь трое человек будут знать, что оно уже сожжено. Вы можете шантажировать письмом наложницу Шу, но... не сможете отнести его отцу-императору. Матушка, не нужно злиться на меня.

Наложница Ли уже поняла и, лишь чувствуя вкус горечи, после короткого молчания мягко со смехом произнесла:

— Перестань, перестань, то, что сын не отдаст это письмо матушке, я сегодня уже поняла. А о твоём отношении к Юн Шаню, увы, мне нечего сказать.

Юн Ци также печально улыбнулся.

Подойдя к изголовью кровати, юноша опустился на колени перед наложницей Ли и трижды поклонился, ударяясь головой об пол:

— Матушка, Ваш сын должен уходить.

Женщина посмотрела на него, слова сдавливали горло, отчего наложница Ли не могла что-либо произнести.

Больше не сказав ни слова, Юн Ци поднялся на ноги и с поникшей головой направился к двери, медленно покидая это мрачное место.

Юн Линь снаружи уже с нетерпением ждал брата. Увидев, что Юн Ци наконец-то вышел на улицу, юноша тотчас же подскочил к нему.

— Наконец-то старший брат вышел, ты заставил меня томиться в ожидании. Соскучился? Старший брат, что случилось? Ты словно сам не свой. С наложницей Ли всё в порядке?

Расстроенный Юн Ци стоял на ступеньках дворца и как будто ведать не ведал, что Юн Линь был рядом.

Юноша долгое время стоял, застыв, и говорил сам с собою:

— Это всё ложь? Зачем он давал мне лекарство? Он не мог.

У Юн Ци не осталось сил.

В глазах потемнело, и юноша упал на руки Юн Линя, потеряв сознание.

Примечания:

[1] Юн Ци имеет в виду гороскопы. В первой главе первого тома, когда Юн Ци допрашивали, его обвиняли не только в заговоре, но и в краже гороскопов.

[2] Наложница Ли имеет в виду, что Юн Ци почти вышел замуж за Юн Шаня.

<http://bllate.org/book/13372/1189600>